

УДК 141.2
ББК 87.3(2)6

Артем Андреевич Гравин

Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, Россия, Санкт-Петербург; Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики», научный сотрудник, Россия, Москва, e-mail: artemiosgravin@mail.ru

**Символистское осмысление мифа:
Вяч.И. Иванов, А.Ф. Лосев, Л.А. Гоготшвили¹**

Аннотация. Рассматриваются подходы к осмыслению понятия мифа Вячеславом Ивановым, Алексеем Лосевым и Людмилой Гоготшвили. В качестве объекта исследования выбраны связанные с теорией мифа исследования Вяч. Иванова («Экскурс: Основной миф в романе “Бесы”», «Дионис и прадионисийство»), «Достоевский: трагедия – миф – мистика» и др.), А.Ф. Лосева («Диалектика мифа» и «Дополнение к “Диалектике мифа”»), а также ряд работ Л.А. Гоготшвили, где используется понятие мифа. Для соотнесения идей мыслителей и выявления их концептуальной преемственности использована историко-философская компаративистика, методы анализа истории идей, а также метод концептуального анализа понятия мифа. Основной целью работы является имманентное и историко-контекстуальное исследование «мифологического» измерения лингвофилософии Гоготшвили в связи с ее преемственностью символизма Иванова и диалектики Лосева. Сделан вывод о том, что апостериорность данности мифа, по Иванову, и отрешенность мифа, по Лосеву, обеспечивают «непрямоту» выражения смысла (или мистической реальности) в языке, что может быть преодолено намеренным пониманием подразумеваемого языком смысла, то есть личностным действием. В перспективе творчества Гоготшвили, для которой понятие мифа является одной из базовых категорий русского символизма, рассмотрены дистинкция мифологических и обыденных суждений, связь мифа и языка в поэтической и логической перспективах, а также характер использования понятия мифа в феноменологии языка и в авторской концепции двоичного и троичного символов. Показано, что в лингвофилософии Гоготшвили понятие мифа «отвечает» за опосредованность выражения смысла в языке и подразумевает адекватность между словом и предметом.

Ключевые слова: символизм Вячеслава Иванова, философия мифа Алексея Лосева, лингвофилософия Людмилы Гоготшвили, русская религиозная философия

Artyom Andreevich Gravin

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, PhD in Technical Sciences, senior researcher officer, Russia, Saint Petersburg; National researcher university Higher school of economics, researcher officer, Russia, Moscow, e-mail: nagval_89@mail.ru

¹ Исследование выполнено в Социологическом институте РАН – филиале Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01113, <https://rscf.ru/project/23-78-01113/>.

Symbolist Conceptualization of Myth: Vyach.I. Ivanov, A.F. Losev, L.A. Gogotishvili

Abstract. This article analyzes one of the concepts of myth by Vyacheslav Ivanov, Alexei Losev and Lyudmila Gogotishvili. The object of this research is Ivanov's studies related to the theory of myth ("Excursus: The Primary Myth in the novel "the Possesse", "Dionysus and Pradionysianism", "Dostoevsky: Tragedy – Myth – Mysticism", etc.), "Dialectics of Myth" and "Supplement to the Dialectics of Myth" by Losev, as well as a series of contributions by Gogotishvili, where the concept of myth is used. In order to correlate the ideas of thinkers and reveal their conceptual continuity, we used historical-philosophical comparativism, methods of ideas history analysis, as well as the method of conceptual analysis of the use of the concept of myth. The main goal of this article is to investigate the mythological dimension of Gogotishvili's linguophilosophy in relation to its continuity with Ivanov's symbolism and Losev's dialectics, from an immanent and historical-contextual (from the point of view of continuity) perspective. It is shown that the linguistic dimension of myth (the myth language), according to Ivanov, implies a posteriori (in relation to mystical experience) character of its own formation. Myth language, according to Losev, implies it's a priori givenness, epistemologically limited for a particular consciousness by sense bearing detachment. It is shown that the a posteriori givenness of myth, according to Ivanov, and the detachment of myth, according to Losev, ensure the "indirectness" of the meaning expression (or mystical reality) in language, which can be overcome by an intentional understanding of the meaning implied by language, i.e. by personal action. It is revealed that Gogotishvili believing the concept of myth as one of the basic categories of Russian symbolism. From the perspective of Gogotishvili's work, we consider the distinction between mythological and ordinary judgments, the relationship between myth and language in poetic and logical perspectives, as well as the nature of the application of the myth concept in the phenomenology of language and in the author's concept of binary and ternary symbols. It is shown that in Gogotishvili's linguophilosophy myth is "responsible" for mediating the expression of meaning in language and implies adequation between word and subject.

Key words: Vyacheslav Ivanov's symbolism, Alexei Losev's philosophy of myth, Lyudmila Gogotishvili's linguophilosophy, Russian religious philosophy

DOI: 10.17588/2076-9210.2024.3.099-112

Введение

Подходы к осмыслению мифа отечественных мыслителей начала XX века не лишены исследовательского интереса в современной российской науке. Это нашло отражение как в специальных, так и в обобщающих исследованиях. Так, обзор религиозно-философских концепций мифа предпринят в диссертационном исследовании В.Р. Цылева² (2004 г.) и публикациях А.А. Чагинского³. Оба исследователя отмечают общее для русских религиозных мыслителей стремление к онтологизации мифа.

При этом, в отличие от онтологии и философской эстетики, лингвофилософским подходам к мифу в современной гуманитарной науке уделено меньшее внимание. Так, например, в посвященных философии мифа Лосева диссертационных

² См.: Цылев В.Р. Интерпретация мифа в русской религиозно-философской традиции (конец XIX – первая половина XX вв.): дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. Мурманск, 2004. 170 с. [1].

³ См., например: Чагинский А.А. Понятие мифа в русской религиозной философии 20-х гг. XX в. // Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия. 2015. Вып. 6(62). С. 37–52 [2].

исследованиях А.А. Тащиана⁴ и иг. Ермогена (Панасюка)⁵ лингвофилософская перспектива не рассматривается.

Одним из наиболее ярких и теоретически проработанных исследований лингвофилософского измерения русской религиозной мысли являются работы Л.А. Гоготшвили, в которых значительное место уделено проблеме мифа – вопросам о возможности рассмотрения мифологических высказываний как синтетических суждений (в кантианском смысле), о роли мифа во взаимосвязи слова и обозначаемого им предмета (референция), об аналогии автора мифологического высказывания и субъекта речи (лингвистическая прагматика), об анализе понятия мифа в перспективе феноменологии языка и др.

Помимо историко-философского измерения, творчество Гоготшвили представляют собой самобытный лингвофилософский проект, наследующий идеи русских символистов и апологетов имяславия. Таким образом, выявляется необходимость исследования преемственной связи идей Гоготшвили с концепциями предшествовавших ей мыслителей.

В нашем исследовании мы бы хотели сконцентрироваться на теоретической преемственности понимания мифа у Л.А. Гоготшвили, Вяч.И. Иванова и А.Ф. Лосева.

Изучению и критическому анализу концептуальной связи идей Гоготшвили с теорией символизма Иванова и философией Лосева посвящены работы С.В. Федотовой, Е.К. Созиной, Л.Г. Каяниды и А.А. Гравина⁶.

Опираясь на выводы Федотовой и Созиной, мы намеренно сузим исследовательскую перспективу и сосредоточились на важнейшем для Иванова, Лосева и Гоготшвили понятии мифа и особенно на «мифологическом» измерении лингвофилософии Гоготшвили. Таким образом, более подробно рассмотрим один из аспектов (связанный с мифом) идейной преемственности Гоготшвили, Иванова и Лосева, а также выявим роль понятия мифа в разработанной Гоготшвили коммуникативной концепции символа (наиболее важной для ее работ 1990-х гг.).

⁴ См.: Тащиан А.А. Диалектика мифа А.Ф. Лосева и идея русской философии: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. Краснодар, 1998. 161 с. [3].

⁵ См.: Панасюк А.Н. (игум. Ермоген). Диалектика мифа А.Ф. Лосева как методология философии религии и апологетики: дис. ... канд. богословия: Б 0510. Минск, 2019. 208 с. [4].

⁶ См.: Федотова С.В. Лингвофилософские новации русского символизма в интерпретации Л.А. Гоготшвили (Вяч. Иванов и А.Ф. Лосев) // *Studia Litterarum*. 2019. Т. 4, № 2. С. 252–273 [5]; Федотова С.В. Символизм Вячеслава Иванова в контексте полемики Л. Гоготшвили с Ю. Степановым // *Europa orientalis*. 2022. № 41. С. 297–313 [6]; Созина Е.К. Концепция символа Л.А. Гоготшвили и поэзия Вяч. Иванова: толкование и применение // *Вестник культурологии*. 2023. № 2(105). С. 35–58 [7]; Каяниды Л.Г. *Casus* Гоготшвили: критические замечания к концепции предикативного символизма // *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates*. 2023. Т. 9, № 3(35). С. 25–39 [8]; Гравин А.А. Символизм Вячеслава Иванова и Андрея Белого в свете предикативной концепции Людмилы Гоготшвили // *Соловьёвские исследования*. 2022. Вып. 4(76). С. 133–147 [9]; Гравин А.А. Л.А. Гоготшвили как исследователь и последователь А.Ф. Лосева // *Приношение: Азе Алибековне Тахо-Годи от благодарных учеников и коллег к 100-летию со дня рождения: Fuga temporum*. СПб.: Алетей, 2023. С. 357–366 [10].

Определения мифа у Вячеслава Иванова и Алексея Лосева

Посвященные дионисизму и символизму труды Вячеслава Иванова напрямую апеллируют к понятию мифа. Так, в сборниках статей и книгах-исследованиях 1900–1920-х гг. («По звездам» (1909 г.), «Борозды и межи» (1916 г.), «Эллинская религия страдающего бога» (1917 г.), «Дионис и прадиионисийство» (1923 г.)) Иванов развивает самобытную теорию символа и мифа, связывая оба понятия в единую схему в диалектическом и феноменологическом духе. В работе «Две стихии в современном символизме» Иванов отмечает: «... созерцание символа раскрывает в символе миф» [11, с. 554]; «...символизм ... разоблачает сознанию вещи как символы, а символы как мифы» [11, с. 538]. Миф, по Иванову, оказывается объектом созерцания чистого сознания – в работе «Экскурс II: Эстетика и исповедание» читаем: «Слову “миф” я придаю ... безусловное значение художественного прозрения мистической реальности...» [12, с. 571]. Отметим акцентуацию Ивановым гносеологического аспекта мифа («созерцание», «разоблачение», «прозрение»), что, на наш взгляд, определяет специфику лингвистического аспекта.

В связи с отсутствием возможности осуществления широкой реконструкции ивановской теории мифа в рамках настоящего исследования (что потребовало бы написания серии статей) обратимся к рассуждениям о мифе в работах современных ивановедов, а также к связанным с языком дефинициям мифа, данным Ивановым в разные периоды творчества (допустим сознательную исследовательскую редуцицию).

Проблема обобщения теории мифа Иванова находится в фокусе внимания современного ивановедения и пока что далека от окончательного разрешения. Так, С.Д. Титаренко в работе «“Фауст нашего века”: Мифопоэтика Вячеслава Иванова» выделяет три аспекта понимания мифа у Иванова:

- 1) обрядово-ритуальный (прамиф);
- 2) символический (экзегеза-интерпретация);
- 3) теургический («дионисийская эпифания» и «аполлинийское видение»)⁷.

Три перечисленных аспекта, на наш взгляд, соотносятся с культово-эстетическим, лингвистическим и мистическим измерениями символизма Иванова, каждое из которых оказывается возможным исследовать отдельно. Так, Титаренко также дает следующее определение ивановского мифа: «...толкование или интерпретация архетипа, адекватная его культовому значению» [13, с. 119]. В свою очередь, мифологию она связывает с конструированием мифопоэтического универсума⁸. На этом основании можно говорить о разграничении архетипически-онтологической, гносеологической и онто-гносеологической сфер в мифе. При этом с точки зрения гносеологии мы имеем дело с акцентом на лингвистическом измерении мифа, предполагающем субъективный акцент («толкование или интерпретация»).

Рассмотрим несколько ивановских определений мифа, в которых может быть выделен интересующий нас лингвистический аспект.

⁷ См.: Титаренко С.Д. «Фауст нашего века»: Мифопоэтика Вячеслава Иванова. СПб.: ИД «Петрополис», 2012. С. 120 [13].

⁸ См.: Титаренко С.Д. «Фауст нашего века»: Мифопоэтика Вячеслава Иванова. С. 120.

В работе «Экскурс: Основной миф в романе “Бесы”» (1914 г.) Иванов дает следующее определение (вариации которого встречаются в ряде более поздних работ мыслителя): «...миф определяем мы как синтетическое суждение, где подлежащему-символу придан глагольный предикат» [14, с. 437]. Характерной особенностью этой формулы является использование кантианской терминологии «Критики чистого разума» – синтетическое суждение подразумевает расширение знания об объекте и тем самым «откровение» имплицитного объекту смысла.

«Откровенность» мифа в понимании Иванова включает в себя возможность (но не необходимость) его символической фиксации в языке опосредованно – через обозначение или интерпретацию, то есть *a posteriori*. Выражая опыт сверхчувственного, миф способен выражаться в виде образа – синтетического суждения (со словесным сказуемым-глаголом). Приведем дефиницию из книги «Дионис и прадюонисийство» (1923 г.): «Прамиф высказывает – и исчерпывает – древнейшее узрение в форме синтетического суждения, где подлежащим служит имя божества ..., сказуемым же глагол, изображающий действие или состояние, этому демоническому существу приписанное» [15, с. 269]. Гносеологический аспект здесь в большей мере сближается с лингвистическим (узрение, изображение состояния с помощью глагола, приписывание).

В работе Иванова «Достоевский: трагедия – миф – мистика» (1932 г.) встречается следующее определение мифа, расширяющее предыдущее в онтологической перспективе: «...миф ... [есть] синтетическое суждение, в котором символическому подлежащему, обозначающему сверхчувственную сущность, придается словесное сказуемое» [16, с. 485]. Вопрос об изоморфности «сверхчувственной сущности» и причастного ей мифологического суждения («обозначающего» подлежащего и «являющего» сказуемого) представляется нам нетривиальным и требующим более подробного рассмотрения теоретических построений Иванова. Тем не менее в качестве гипотезы можно предположить, что изоморфизм здесь возможен только в некоторой степени (например, через семантику используемого сказуемого как отдельного аспекта выражаемой сущности).

В таком случае акцент на гносеологии в определении мифа через суждение является «идеалистической» уступкой субъекту, стремящемуся к «реалистической» стихии над-личного и над-языкового значения мифа, где сама гносеологичность и субъективность нивелируются – процитируем работу Вяч. Иванова «Две стихии в современном символизме»: «...в истинном же мифе мы уже не видим ни личности творца, ни собственной личности» [11, с. 555].

Размышления Иванова о мифе и его понятийном значении отозвались в творчестве Лосева 1920–1930-х гг. (в первую очередь в таких работах, как «Диалектика мифа» и «Дополнение к “Диалектике мифа”»)⁹.

Тем не менее на уровне формулировок приводимые Ивановым и Лосевым определения мифа разнятся как по стилю, так и по характеру поставленных в них смысловых акцентов. И, как нам представляется, дело здесь не столько в используемых методах и терминологии, сколько в различных гносеологических подходах.

⁹ См.: Титаренко С.Д. «Фауст нашего века»: Мифопоэтика Вячеслава Иванова. С. 376.

Изложение лосевской теории мифа потребовало бы не меньшего количества «страниц», чем реконструкция выдвинутой Ивановым концепции мифа. Поэтому для сравнения далее ограничимся только определениями из работ «Диалектика мифа» (1930 г.), «Дополнение к “Диалектике мифа”» (1930 г.), а также уточняющими связь понятий личности и мифа суждениями из работы «Философия имени» (1927 г.), что может послужить отправной точкой для более развернутого исследования подобного рода.

Лосевские определения мифа имеют как онтологическое, так и языковое измерения. Приведем два определения из работы «Диалектика мифа»: *«в словах данная личностная история»; «развернутое магическое имя»*¹⁰.

В отличие от Иванова, для которого миф может быть представлен как апостериорное (по отношению к мистическому видению априорной эпифании архетипа) знание, суждение, ознаменованье, приписывание, обозначение сверхчувственной сущности – «воспоминание о мистическом событии» (как он писал в статье «Две стихии в современном символизме»)¹¹, лосевский миф принципиально априорен, лингвистичен и чудесен сам по себе¹² (будучи именем и чудом), так как не обозначает, но непосредственно являет собой синтез трансцендентного и имманентного, смысла и имени, неслиянных, но и нераздельных объекта и субъекта: «миф есть *личность*, и личность – миф. Всякая личность – миф», – указывал Лосев в работе «Философия имени» [18, с. 104]. Данный в сверхумном экстазе миф (что является необходимым условием бытия абсолютного мифа, по Лосеву¹³) заключает в себе самосознание (потенциально-данные субъект и объект) и имя, так как «умный экстаз – наивысшее проявление имени сущности в инобытии», – поясняет Лосев в разделе «Миф – развернутое магическое имя» работы «Дополнение к “Диалектике мифа”»¹⁴. В книге «Философия имени» обнаруживается также следующая дефиниция: *«умный экстаз, есть ... самосознание, в котором нет ничего иного, кроме него самого, так что свет самосознания ... есть всецелая погруженность в себя»* [18, с. 104]. Миф, наряду с именем, рассматривается Лосевым как момент первосущности, не приписываемый ей в процессе субъективного познания, а являемый ею из глубин апофатики.

Характерно, что Лосев, подобно Иванову, также прибегает в своих рассуждениях о мифе к кантианской терминологии, но в первую очередь к типологии целесообразностей из «Критики способности суждения». В процессе рассуждения он выявляет гносеологическую ограниченность данной типологии и необходимость введения по отношению к мифу специального вида целесообразности. В мифе-чуде, поясняет Лосев в работе «Диалектика мифа», мы *«...имеем дело прежде всего с совпадением ... двух каких-то разных планов действительности»*¹⁵ – с един-

¹⁰ См.: Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М.: Издательский дом ЯСК; М.: Гнозис, 2022. С. 197, 241 [17].

¹¹ См.: Иванов Вяч.И. Две стихии в современном символизме // Иванов Вяч.И. Собрание сочинений. С. 556.

¹² См.: Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». С. 185.

¹³ Там же. С. 591.

¹⁴ Там же. С. 561.

¹⁵ Там же. С. 207.

ством трансцендентного и имманентного. При этом «самую природу как чуда, так – через это – и всего мифа» Лосев обнаруживает в «личностной целесообразности»¹⁶, не нивелируемой ни на каком онтологическом уровне. По сути, он говорит о мифе не в смысле архетипа, художественного образа, вне-личного экстаза, а в абсолютном смысле – как о конкретной личности Богочеловека (воплощенного Слова), непосредственно являющей себя в словесном «откровении» и представляющей собой гносеологический и онтологический предельный телос. В этом смысле всякий относительный миф также является личностью (то есть сочетает в себе субъективное и объективное, гносеологическое и онтологическое). Отсюда и персоналистическое определение Лосева («Диалектика мифа»): «...миф есть ... *символически данная интеллигенция жизни ... лик личности*»¹⁷.

Таким образом, развивая интуиции Иванова, Лосев утверждает онтологическую тотальность мифа и его принципиальную персоналистичность – всякое бытие оказывается причастным мифу и, как следствие («...в словах данная личностная история»¹⁸), личности и ее имени.

Следует отметить, что априорная данность мифа, по Лосеву, не подразумевает его непосредственной «обыденной» данности: опыт мифа обусловлен необходимостью намерения его осуществления. В свою очередь, «достижение» предметного основания мифа предполагает намеренное (личностное) преодоление свойственной мифу отрешенности.

Таким образом, можно сказать, что, в отличие от дискретной схемы ивановского понимания мифа (с дистинкцией внеязыкового и языкового, онтологического и гносеологического измерений), лосевское понимание в большей мере склонно к монизму. Миф, по Лосеву, потенциально заключает в себе абсолютную (непосредственную) и различные относительные (опосредованные отрешенностью) образные явленности.

Фундаментальное для лосевской теории мифа понятие отрешенности обуславливает некоторую «запредельность» мифа по отношению к «обыденному» чувственному образу действительности. В то же время отрешенность заключает в себе потенцию личностной реализации мифа. Как отмечает Роберт Берд, лосевский миф необходимым образом отрешен от повседневной действительности и тем самым предполагает мифически-мыслящих субъектов (своего рода агентов отрешения), «восходящих» к основанию мифа и осуществляющих его отрешенное «ведение»¹⁹. Интерпретация Берда предполагает аналогию данного «восхождения» с эстетическим восхищением и аскетическим праксисом (восхождение по «Лестнице»), выявляя своего рода ступенчатую иерархию: от эстетической отрешенности разных типов к мифологической. Таким образом, через понятие мифа Берд обнаруживает персоналистическое измерение лосевской методологии, не предполагающей специального акцента на субъективности.

¹⁶ См.: Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». С. 216.

¹⁷ Там же. С. 120–121.

¹⁸ Там же. С. 197.

¹⁹ См.: Bird R. Minding the Gap: Detachment and Understanding in Aleksey Losev's *Dialektika mifa* // *Studies in East European Thought*. 2004. Vol. 56. P. 144–152 [19].

Понятие мифа в лингвофилософских исследованиях Людмилы Гоготишвили

Утверждаемый Лосевым онтологизм мифа предоставляет возможность осуществить рациональную редукцию посредством анализа его отдельных аспектов. Так, помимо описанной выше эстетической редукции (Берд), словесная «откровенность» мифа подразумевает возможность его лингвистического анализа и лингвофилософской концептуализации.

В этом смысле анализ связи языка и выражаемой им мифической действительности в лингвофилософской перспективе может быть сужен до анализа связи языка и описываемого языком предмета.

Лингвистическое измерение в определениях мифа как Иванова, так и Лосева представляется необходимым условием его бытия, однако абсолютный онтологизм и безусловная априорность мифа у Лосева (в отличие от ограниченного более развитой гносеологией – у Иванова) заключает в себе возможность для полноценной его лингвофилософской концептуализации. В то же время ивановская апостериорность языка мифа и лосевская его отрешенность предполагают специфически «непрямую» лингвистическую схему – данность смысла в языковом мифологическом образе оказывается опосредованной. Миф здесь как бы «говорит» о несообщаемом. Такая схема была развита в лингвофилософии Людмилы Гоготишвили, где «непрямота» смыслового выражения стала лейтмотивом основных ее теоретических положений.

Гоготишвили в своих исследованиях исходила как из лосевских, так и из ивановских разработок в области теории мифа, понимая миф как в эйдетической, так и в лингвистической перспективах²⁰, а также полагая понятие мифа в качестве одной из базовых категорий всего русского символизма. Подход Гоготишвили учитывал лингвофилософские различия между теориями символизма (в первую очередь, Иванова) и теоретическими апологиями имяславия (в первую очередь, Лосева). Следуя символистским теориям, Гоготишвили усваивает и развивает идею неразрывной связи языка и мифа²¹, обосновывающей возможность лингвофилософской концептуализации последнего.

В работе «Лингвистический аспект трех версий имяславия (Лосев, Булгаков, Флоренский)» (1997 г.) Гоготишвили выявляет обобщающую для русского символизма и философии имени дистинкцию мифологических и обыденных суждений. Основным отличием первых является, по Гоготишвили, акцентуация их личностно-коммуникативного (в лингвистическом смысле – прагматического) измерения как связующего слово-символ и символизируемую мистическую действительность. Мифологическое суждение основывается на коммуникации личности говорящего и слушающего/отвечающего (в онтологическом смысле – «диалог» трансцендентного и имманентного). В этом «мифическом» смысле всякое слово о каком-либо

²⁰ См.: Федотова С.В. Лингвофилософские новации русского символизма в интерпретации Л.А. Гоготишвили (Вяч. Иванов и А.Ф. Лосев). С. 262–264.

²¹ См.: Гоготишвили Л.А. Рецепция символизма в гуманитарных науках (лингвофилософский аспект) // Литературоведение как литература: сб. в честь С.Г. Бочарова. М.: Языки славянских культур, Прогресс-традиция, 2004. С. 151 [20].

предмете подразумевает коммуникацию со стоящей за этим словом личностью, породившей или воспроизводящей его. Таким образом, мифологические суждения персонализируют (олицетворяют) описываемую действительность²².

Гоготшвили утверждает, что мифологичность является необходимым условием осуществления языковой референции – само понятие мифа, как уже говорилось, содержательно подразумевает коммуникативную связь слова и предмета (языковая прагматика), а также формирование (синтаксическое и семантическое) языковых конструкций, претендующих на адекватность выражения в них смысла. Миф здесь является своего рода предельной языковой формой предметного смысла²³ и демонстрирует связь языка (имманентного) и внеязыковой действительности (трансцендентного)²⁴. Остальные (обыденные) языковые формы оказываются менее «мифологичными» и в меньшей степени причастными мифу.

Миф, по Гоготшвили, может быть рассмотрен как «эйдетический синтаксис», определяющий логическую и лингвистическую композицию высказывания²⁵. В связи с этим можно выделить два пути построения мифологических суждений средствами языка – поэтико-аллегорический и логико-схематический.

Гоготшвили, опираясь на теоретические разработки Иванова и примеры из его поэтических произведений, в статьях «Между именем и предикатом (символизм Вяч. Иванова на фоне имяславия)» (первая публикация – 1999 г.) и «Антиномический принцип в поэзии Вяч. Иванова» (первая публикация – 2002 г.) показывает, что посредством мифа поэтический символ синтетически (в кантианском смысле) знаменует внеязыковую действительность²⁶. При этом с точки зрения внутренней структуры, слово или суждение оказывается здесь сконструированным посредством антиномий: семантических, грамматических, синтаксических и др.²⁷ Это размышление вполне коррелирует с попытками Иванова определить миф исходя из способа построения языкового суждения.

«Логико-схематический» путь был разработан Гоготшвили в рамках ее лосевоведческих исследований. В частности, в работе «Лосевская концепция предикативности» (1999 г.) адекватной формой выражения смысла в виде мифа Гоготшвили обозначает лосевские диалектические схемы²⁸.

Как поэтические антиномии, так и диалектические конструкции представляются Гоготшвили мифологическими суждениями, содержание которых не разумеется «са-

²² См.: Гоготшвили Л.А. Лингвистический аспект трех версий имяславия (Лосев, Булгаков, Флоренский) // А.Ф. Лосев. Имя. Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы. СПб.: Алетей, 1997. С. 588 [21].

²³ См.: Гоготшвили Л.А. Между именем и предикатом (символизм Вяч. Иванова на фоне имяславия) // Непрямое говорение. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 60 [22].

²⁴ Там же. С. 91.

²⁵ См.: Гоготшвили Л.А. Рецепция символизма в гуманитарных науках (лингвофилософский аспект). С. 155.

²⁶ См.: Гоготшвили Л.А. Между именем и предикатом (символизм Вяч. Иванова на фоне имяславия). С. 30, 39.

²⁷ См.: Гоготшвили Л.А. Антиномический принцип в поэзии Вяч. Иванова // Непрямое говорение. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 109, 126, 128 и др. [23].

²⁸ См.: Гоготшвили Л.А. Лосевская концепция предикативности // Лосев А.Ф. Личность и Абсолют. М.: Мысль, 1999. С. 689 [24].

мо собой», но конструируется в интенциональном акте. Обнаружение смысла мифологического суждения в таком случае обеспечивается фактом его поэтического, философского или мистического «усмотрения»²⁹: именно наличие осмысляющего антиномическую поэтику или диалектическую схематику сознания (агента отрешения, по Берду) обеспечивает референцию. Это, в свою очередь, обосновывает персонализм рассматриваемой философии языка.

Данные рассуждения приводят Гоготшвили к выявлению имплицитной для русского символизма связи лингвистической прагматики с феноменологией языка, и в работах начала 2000-х гг. она вводит понятие мифа в данную перспективу: «...символизм редуцирует трансцендентный опыт так же, как в феноменологии редуцируется мир естественной установки, и тоже получает в качестве сферы феноменологического бытия символов чистое сознание» [20, с. 154]. «Пласт в чистом феноменологическом сознании», заключающий в себе редукцию мистического опыта, Гоготшвили называет «*мифологическим*»³⁰. Правомерность такого подхода обосновывает в своей работе Е.К. Созина³¹ с опорой на рецепцию символистских идей в работах О.М. Фрейденберг, М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского.

В частности, на основании мифологической коммуникативности Гоготшвили в работах *A.F. Losev's radical lingua-philosophical project* (2004 г.) и «Эйдетический язык (реконструкция и интерпретация радикальной феноменологической новации А.Ф. Лосева)» (2006 г.) разрабатывает концепцию эйдетического языка как некоего языкового генома, где в роли «слов» выступают априорные смыслы³². Мифология здесь представляется своего рода эгологией³³, осуществляющей выявление личностного измерения языка и языковых элементов. Функционально миф здесь также обеспечивает понимание смысла и его фиксацию средствами языка³⁴. Или, иначе выражаясь, миф здесь осуществляет интерпретацию прагматического посыла эйдетической речи³⁵, воспроизводя средствами языка композицию (синтактику) априорных смыслов³⁶. В этой перспективе Гоготшвили определяет миф как «*коммуникативный импульт эйдетического синтаксиса*»³⁷.

Можно констатировать, что на всех этапах своего творчества Гоготшвили прибегала к понятию мифа (отталкиваясь от интуиций Иванова и Лосева). Обобщенно говоря, миф, по Гоготшвили, соединяет в себе онтологическую коммуни-

²⁹ См.: Гоготшвили Л.А. Лосевская концепция предикативности С. 698.

³⁰ См.: Гоготшвили Л.А. Рецепция символизма в гуманитарных науках (лингвофилософский аспект). С. 154.

³¹ См.: Созина Е.К. Концепция символа Л.А. Гоготшвили и поэзия Вяч. Иванова: толкование и применение. С. 40.

³² См.: Gogotishvili L.A. A.F. Losev's radical lingua-philosophical project // *Studies in East European Thought*. 2004. P. 128 [25].

³³ См.: Гоготшвили Л.А. «Эйдетический язык» (реконструкция и интерпретация радикальной феноменологической новации А.Ф. Лосева) // *Непрямое говорение*. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 409 [26].

³⁴ Там же. С. 351.

³⁵ См.: Gogotishvili L.A. A.F. Losev's radical lingua-philosophical project... P. 134.

³⁶ См.: Гоготшвили Л.А. «Эйдетический язык» (реконструкция и интерпретация радикальной феноменологической новации А.Ф. Лосева). С. 318.

³⁷ Там же. С. 409.

кацию, лингвистическую референцию и феноменологическую эйдетическую редукцию и в каждой из приведенных перспектив отвечает за «непрямоту» (опосредованность) выражения смысла в языке и интенциональное преодоление этой «непрямоты» средствами языка (в первую очередь прагматическими).

В позднем творчестве Гоготшвили (работы, вошедшие в книгу «Лестница Иакова: архитектура лингвофилософского пространства» (2021 г.)) понятие мифа становится также одним из оснований лингвистических концепций двоичного и троичного типов символов, адекватация символизирующего и символизируемого, а также интерпретация символизируемого объяснимы исходя из описанной выше логики мифа³⁸. Мифологическое суждение в предельной форме заключает в себе двоичность (совпадение означаемого и означающего), обыденное суждение – мифически опосредованную троичность, где значение слова никогда не совпадает в полной мере с его апофатически-подразумеваемым смыслом.

Заключение

Если кратко зафиксировать основные аспекты рассмотренных подходов к концептуализации мифа, то оказывается возможным выделить следующие положения:

1. По Иванову, миф может быть рассмотрен в двух измерениях: до-языковом и языковом; при этом языковое измерение формируется субъектом (художником) апостериорно таким образом, что словесный миф представляет собой опосредующую мистический смысл интерпретацию.

2. По Лосеву, миф дан личности априорно и безусловно заключает в себе языковое измерение; ввиду собственной отрешенности, миф способен выражаться в виде относительных образов (опосредующих интерпретаций) разной степени адекватности абсолютному первообразу; при этом преодоление мифической отрешенности может быть осуществлено намерением причастной мифу личности.

3. В лингвофилософии Гоготшвили (наследующей идеи Лосева и Иванова) миф «отвечает» за опосредованность (или «непрямоту») выражения предметного смысла в языке (семантически, синтаксически и т.д.) и подразумевает возможность достижения адекватности между смыслом и словом в личностной интенции. Таким образом, понятие мифа является фундаментальной основой, развиваемой Гоготшвили в 1990-е гг. коммуникативной концепции символа.

Список литературы

1. Цылев В.Р. Интерпретация мифа в русской религиозно-философской традиции (конец XIX – первая половина XX вв.): дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. Мурманск, 2004. 170 с.
2. Чагинский А.А. Понятие мифа в русской религиозной философии 20-х гг. XX в. // Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия. 2015. Вып. 6(62). С. 37–52.
3. Тащян А.А. Диалектика мифа А.Ф. Лосева и идея русской философии: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. Краснодар, 1998. 161 с.
4. Панасюк А.Н. (игум. Ермаген). Диалектика мифа А.Ф. Лосева как методология философии религии и апологетики: дис. ... канд. богословия: Б 0510. Минск, 2019. 208 с.

³⁸ См.: Гоготшвили Л.А. Лестница Иакова: архитектура лингвофилософского пространства. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. С. 47, 76 и др. [27].

5. Федотова С.В. Лингвофилософские новации русского символизма в интерпретации Л.А. Гоготшвили (Вяч. Иванов и А.Ф. Лосев) // *Studia Litterarum*. 2019. Т. 4, № 2. С. 252–273.
6. Федотова С.В. Символизм Вячеслава Иванова в контексте полемики Л. Гоготшвили с Ю. Степановым // *Euroa orientalis*. 2022. № 41. С. 297–313.
7. Созина Е.К. Концепция символа Л.А. Гоготшвили и поэзия Вяч. Иванова: толкование и применение // *Вестник культурологии*. 2023. № 2(105). С. 35–58.
8. Каяниди Л.Г. Casus Гоготшвили: критические замечания к концепции предикативного символизма // *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates*. 2023. Т. 9, № 3(35). С. 25–39.
9. Гравин А.А. Символизм Вячеслава Иванова и Андрея Белого в свете предикативной концепции Людмилы Гоготшвили // *Соловьёвские исследования*. 2022. Вып. 4(76). С. 133–147.
10. Гравин А.А. Л.А. Гоготшвили как исследователь и последователь А.Ф. Лосева // *Приношение: Азе Алибековне Тахо-Годи от благодарных учеников и коллег к 100-летию со дня рождения: Fuga temporum*. СПб.: Алетей, 2023. С. 357–366.
11. Иванов Вяч.И. Две стихии в современном символизме // *Иванов Вяч.И. Собр. соч. Т. 2. Брюссель: Foyer Oriental Chretien*, 1974. С. 536–561.
12. Иванов Вяч.И. Экскурс II: Эстетика и исповедание // *Иванов Вяч.И. Собр. соч. Т. 2. Брюссель: Foyer Oriental Chretien*, 1974. С. 566–572.
13. Титаренко С.Д. «Фауст нашего века»: Мифопоэтика Вячеслава Иванова. СПб.: ИД «Петрополис», 2012. 654 с.
14. Иванов Вяч.И. Экскурс: Основной миф в романе «Бесы» // *Иванов Вяч.И. Собр. соч. Т. 4. Брюссель: Foyer Oriental Chretien*, 1987. С. 437–444.
15. Иванов Вяч.И. Дионис и прадионисийство. СПб.: Алетей, 1994. 350 с.
16. Иванов Вяч.И. Достоевский. Трагедия – миф – мистика // *Иванов Вяч.И. Собр. соч. Т. 4. Брюссель: Foyer Oriental Chretien*, 1987. С. 483–590.
17. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М.: Изд. дом ЯСК; Гнозис, 2022. 696 с.
18. Лосев А.Ф. Философия имени. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2016. 672 с.
19. Bird R. Minding the Gap: Detachment and Understanng in Aleksej Losev's *Dialektika mifa* // *Studies in East European Thought*. 2004. Vol. 56. P. 143–160.
20. Гоготшвили Л.А. Рецепция символизма в гуманитарных науках (лингвофилософский аспект) // *Литературоведение как литература: сб. в честь С.Г. Бочарова*. М.: Языки славянских культур, Прогресс-традиция, 2004. С. 148–175.
21. Гоготшвили Л.А. Лингвистический аспект трех версий имяславия (Лосев, Булгаков, Флоренский) // А.Ф. Лосев. Имя. Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы. СПб.: Алетей, 1997. С. 580–614.
22. Гоготшвили Л.А. Между именем и предикатом (символизм Вяч. Иванова на фоне имяславия) // *Непрямое говорение*. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 15–103.
23. Гоготшвили Л.А. Антиномический принцип в поэзии Вяч. Иванова // *Непрямое говорение*. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 104–138.
24. Гоготшвили Л.А. Лосевская концепция предикативности // *Лосев А.Ф. Личность и Абсолют*. М.: Мысль, 1999. С. 684–701.
25. Gogotshvili L.A. A.F. Losev's radical lingua-philosophical project // *Studies in East European Thought*, 2004. P. 119–142.
26. Гоготшвили Л.А. «Эйдетический язык» (реконструкция и интерпретация радикальной феноменологической новации А.Ф. Лосева) // *Непрямое говорение*. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 220–415.
27. Гоготшвили Л.А. Лестница Иакова: архитектура лингвофилософского пространства. М.: Изд. Дом ЯСК, 2021. 616 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. Gogotishvili, L.A. Mezhdru imenem i predikatom (simvolizm Vyach. Ivanova na fone imyaslaviya) [Between the name and the predicate (symbolism of Vyach. Ivanov against the background of name-glory)], in Gogotishvili, L.A. *Nepryamoe govorenie* [Indirect speaking]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006, pp. 15–103.
2. Gogotishvili, L.A. Antinomicheskii printsip v poezii Vyach. Ivanova [Antinomic principle in the poetry of Viach. Ivanov], in Gogotishvili, L.A. *Nepryamoe govorenie* [Indirect speaking]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006, pp. 104–138.
3. Gogotishvili, L.A. «Eydeticheskii yazyk» (rekonstruktsiya i interpretatsiya radikal'noy fenomenologicheskoy novatsii A.F. Loseva) [“Eidetic language” (reconstruction and interpretation of the A.F. Losev’s radical phenomenological innovation)], in Gogotishvili, L.A. *Nepryamoe govorenie* [Indirect speaking]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006, pp. 220–415.
4. Gogotishvili, L.A. *Lestnitsa Iakova: arkhitektonika lingvofilosofskogo prostranstva* [Jacob's Ladder: the architectonics of linguophilosophical space]. Moscow: Izdatel'skiy Dom YaSK, 2021. 616 p.
5. Ivanov, Vyach.I. Dve stikhii v sovremennom simvolizme [The Two Elements in Modern Symbolism], in Ivanov, Vyach.I. *Sobranie sochineniy. T. 2* [Collected Works. Vol. 2]. Brussels: Foyer Oriental Chretien, 1974, pp. 536–561.
6. Ivanov, Vyach.I. Ekskurs II: Estetika i ispovedanie [Excursus II: Aesthetics and Confession], in Ivanov, Vyach.I. *Sobranie sochineniy. T. 2* [Collected Works. Vol. 2]. Brussels: Foyer Oriental Chretien, 1974, pp. 566–572.
7. Ivanov, Vyach.I. Ekskurs: Osnovnoy mif v romane «Besy» [Excursus: The basic myth in the novel “The Imp”], in Ivanov, Vyach.I. *Sobranie sochineniy. T. 4* [Collected Works. Vol. 4]. Brussels: Foyer Oriental Chretien, 1987, pp. 437–444.
8. Ivanov, Vyach.I. Dostoevskiy. Tragediya – mif – mistika [Dostoevsky. Tragedy – myth – mysticism], in Ivanov, Vyach.I. *Sobranie sochineniy. T. 4* [Collected Works. Vol. 4]. Brussels: Foyer Oriental Chretien, 1987, pp. 483–590.

Individual Works

9. Gogotishvili, L.A. Lingvisticheskiy aspekt trekh versiy imyaslaviya (Losev, Bulgakov, Florenskiy) [Linguistic aspect of three versions of nominalism (Losev, Bulgakov, Florensky)], in Losev, A.F. *Imya. Izbrannye raboty, perevody, besedy, issledovaniya, arkhivnye materialy* [Name. Selected works, translations, conversations, research, archival materials]. Saint-Petersburg: Aleteyya, 1997, pp. 580–614.
10. Gogotishvili, L.A. Losevskaya kontseptsiya predikativnosti [Losev's concept of predicativity], in Losev, A.F. *Lichnost' i Absolyut* [Personality and the Absolute]. Moscow: Mysl', 1999, pp. 684–701.
11. Gogotishvili, L.A. Retseptsiya simvolizma v gumanitarnykh naukakh (lingvofilosofskiy aspekt) [Reception of symbolism in the humanities (linguophilosophical aspect)], in *Literaturovedenie kak literatura* [Literary Studies as Literature]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, Progress-traditsiya, 2004, pp. 148–175.
12. Gogotishvili, L.A. A.F. Losev’s radical lingua-philosophical project, in *Studies in East European Thought*, 2004, pp. 119–142.
13. Ivanov, Vyach.I. *Dionis i pradionisystvo* [Dionysus and Pradionysianism]. Saint Petersburg: Aleteyya, 1994. 350 p.
14. Losev, A.F. *Dialektika mifa. Dopolnenie k «Dialektike mifa» (novoje akademicheskoe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe)* [Dialectic of myth. Supplement to the “Dialectic of Myth” (new academic edition, corrected and enlarged)]. Moscow: Izdatel'skiy dom YaSK; Gnozis, 2022. 696 p.
15. Losev, A.F. *Filosofiya imeni* [The philosophy of the name]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2016. 672 p.

(Articles from Scientific Journals)

16. Bird, R. Minding the Gap: Detachment and Understanning in Aleksey Losev's Dialektika mifa, in *Studies in East European Thought*, 2004, vol. 56, pp. 143–160.
17. Chaginskiy, A.A. Ponyatie mifa v russkoy religioznoy filosofii 20-kh gg. XX v. [The concept of myth in Russian religious philosophy of the 20s of the twentieth century], in *Vestnik PSTGU I: Bogoslovie. Filosofiya*, 2015, issue 6(62), pp. 37–52.
18. Fedotova, S.V. Lingvofilosofskie novatsii russkogo simvolizma v interpretatsii L.A. Gogotishvili (Vyach. Ivanov i A.F. Losev) [Linguophilosophical Innovations of Russian Symbolism in the L.A. Gogotishvili's Interpretation (Vyach. Ivanov and A.F. Losev)], in *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no. 2, pp. 252–273.
19. Fedotova, S.V. Simvolizm Vyacheslava Ivanova v kontekste polemiki L. Gogotishvili s Yu. Stepanovym [Symbolism of Vyacheslav Ivanov in the context of polemics between L. Gogotishvili and Y. Stepanov], in *Europa orientalis*, 2022, no. 41, pp. 297–313.
20. Gravin, A.A. Simvolizm Vyacheslava Ivanova i Andrey Belogo v svete predikativnoy kontseptsii Lyudmila Gogotishvili [Symbolism of Vyacheslav Ivanov and Andrei Bely in Context of Lyudmila Gogotishvili's Predicative Concept], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2022, issue 4(76), pp. 133–147.
21. Kayanidi, L.G. Casus Gogotishvili: kriticheskie zamechaniya k kontseptsii predika-tivnogo simvolizma [Casus Gogotishvili: critical remarks on the concept of predicative symbolism], in *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates*, 2023, vol. 9, no. 3(35), pp. 25–39.
22. Sozina, E.K. Kontseptsiya simvola L.A. Gogotishvili i poeziya Vyach. Ivanova: tolkovanie i primeneniye [The Concept of Symbol L.A. Gogotishvili and Vyach. Ivanov's Poetry: Interpretation and Application], in *Vestnik kul'turologii*, 2023, no. 2(105), pp. 35–58.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

23. Gravin, A.A. L.A. Gogotishvili kak issledovatel' i nasledovatel' A.F. Loseva [L.A. Gogotishvili as a researcher and follower of A.F. Losev], in *Prinoshenie: Aze Alibekovne Takho-Godi ot blagodarnykh uchenikov i kolleg k 100-letiyu so dnya rozhdeniya: Fuga temporum* [An offering to: Aza Alibekovna Tahoe-Godi from grateful students and colleagues on the 100th anniversary of her birth: Fuga temporum]. Saint-Petersburg: Aleteyya, 2023, pp. 357–366.

(Monographs)

24. Titarenko, S.D. «Faust nashego veka»: Mifopoetika Vyacheslava Ivanova [“Faust of Our Century”: Mythopoetics of Vyacheslav Ivanov]. Saint-Petersburg: ID «Petropolis», 2012. 654 p.

(Thesis and Thesis Abstracts)

25. Tashchian, A.A. *Dialektika mifa A.F. Loseva i ideya russkoy filosofii*. Diss. ... kand. filos. nauk [A.F. Losev's Dialectics of Myth and the Idea of Russian Philosophy. Cand. philos. sci. diss.]. Krasnodar, 1998. 161 p.
26. Tsylev, V.R. *Interpretatsiya mifa v russkoy religiozno-filosofskoy traditsii (konets XIX – pervaya polovina XX vv.)*. Diss. ... kand. filos. nauk [Interpretation of myth in the Russian religious and philosophical tradition (late XIX – first half of XX centuries). Cand. philos. sci. diss.]. Murmansk, 2004. 170 p.
27. Panasyuk, A.N. (igum. Ermogen). *Dialektika mifa A.F. Loseva kak metodologiya filosofii religii i apologetiki*. Diss. ... kand. bogosloviya [A.F. Losev's Dialectics of Myth as a Methodology of Philosophy of Religion and Apologetics. Cand. of Theol. diss.]. Minsk, 2019. 208 p.